

0198

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Эмма Дарси

КУЗИНА-САМОЗВАНКА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Эмма Дарси

Кузина-самозванка

«Центрполиграф»

2012

Дарси Э.

Кузина-самозванка / Э. Дарси — «Центрполиграф»,
2012 — (Любовный роман – Harlequin)

Дженни Кент зарабатывает себе на жизнь, рисуя туристов в итальянском квартале Сиднея. Чтобы иметь такую возможность, она взяла имя своей погибшей подруги Изабеллы Россини. На время, конечно! И так было до тех пор, пока перед ней не появился красивый итальянец, утверждающий, что он – ее кузен...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эмма Дарси

Кузина-самозванка

Глава 1

Сидней, Австралия

Незнакомый голос разбудил ее, назвав именем Беллы: – Мисс Россини...

Дженни попыталась что-либо понять, но воспринимала сказанное как-то обрывочно. Она не могла уяснить смысл того, что слышала. Было странное ощущение, будто ее окутывает туман, который временами чуть рассеивался, но затем снова сгушался, засасывая Дженни в небытие. Или это продолжение ее ночного кошмара, который то накатывал на нее, то отступал? Она должна проснуться, осознать реальность, но веки были слишком тяжелые...

– Мисс Россини...

Опять! Где же Белла? Почему этот голос называет Дженни именем ее подруги? От усилий что-нибудь понять у нее только разболелась голова.

Туман снова сгустился. Куда легче опять скользнуть в небытие, где не было этой болезненной путаницы в мыслях, но, собрав все силы, Дженни открыла глаза.

– О боже милостивый! Она очнулась! Она пришла в сознание!

От этих возгласов стало больно ушам. Яркий свет резал глаза, и Дженни очень хотелось закрыть их, но она поборола это желание, боясь, что не найдет в себе сил открыть их снова.

– Я позову доктора!

Доктор... белая кровать... белые ширмы... трубки, подведенные к ее руке. Похоже, это больница... Вторая рука перевязана. Свои ноги Дженни не видела: они были закрыты одеялом. Но когда она попыталась пошевелить ими, то не смогла. Дженни не чувствовала ног, и душу мгновенно заполнил страх. Она парализована?!

Возле кровати возникла медсестра, милая блондинка с тревожным выражением голубых глаз.

– Привет! Меня зовут Элисон. Я вызвала доктора Фаррела. Он будет здесь через минуту, мисс Россини.

Дженни хотела сказать, что это не ее имя, но пересохшие губы ей не повиновались.

– Я принесу вам немного льда. – Медсестра бросилась к двери.

Вернулась она вместе с доктором Фаррелом. Элисон подала Дженни кусочек льда, и та покатала его во рту. Горлу и губам, которые, казалось, потрескались от жажды, стало немного легче.

– Рад, что вы, наконец, с нами, мисс Россини, – одобряющим тоном произнес доктор, невысокий коренастый мужчина лет за тридцать.

По выражению его живых карих глаз было видно, что доктор доволен ее состоянием.

– Вы почти две недели находились в коме.

«Почему? Что со мной случилось?»

В панике Дженни глазами умоляла доктора рассказать, что произошло.

– Вы попали в автомобильную аварию, – ответил он на ее невысказанные вопросы, понимая, что пациентка должна узнать правду. – По какой-то причине вы не пристегнулись ремнем безопасности, и вас выбросило из машины. Вы серьезно пострадали, получив множество ушибов и сотрясение мозга, которое, несомненно, и стало причиной комы. У вас также сломаны три ребра, рука. На одной ноге глубокая рана, а сломанная лодыжка на второй сейчас зафик-

сирована гипсовой повязкой. Но вас «починили» очень хорошо, и теперь нужно только время, чтобы вы снова встали на ноги.

На Дженни накатила волна облегчения. Она не парализована! Но ее мозг ни в какую не хотел вспоминать ничего, что было бы связано с аварией. Хотя в любом случае Дженни показалось странным, что она не была пристегнута ремнем безопасности. Она всегда делала это автоматически – сразу, как только садилась в машину.

– Я вижу, вы хмуритесь, мисс Россини. Хотите узнать еще что-нибудь? – мягко спросил доктор.

«Я не Белла. Почему они не знают об этом?» Она облизнула губы и прохрипела:

– Меня зовут...

– Очень хорошо, что вы помните свое имя.

«Нет».

Она попыталась снова:

– Моя подруга...

Доктор вздохнул, в его глазах читалось сочувствие.

– Простите, но я вынужден сообщить вам, что ваша подруга погибла. Спасти ее не удалось. Автомобиль вспыхнул раньше, чем подоспела помощь. Если бы вас не выбросило...

Белла... погибла? Сгорела? По лицу Дженни заструились слезы. Доктор взял ее за руку и ласково похлопал по ней со словами утешения. Но Дженни не слышала их. Она думала о том, как страшно погибнуть в огне, и о том, как Белла всегда была так добра к ней. Она выручила ее, предоставив кров, даже разрешила воспользоваться своим именем, чтобы Дженни смогла поступить на работу в Маленькой Италии. Так назывался район Сиднея, где была воспроизведена архитектура Венеции с ее площадями, памятниками и каналами. Здесь трудились только итальянцы или те, кто имел итальянские корни.

И вот теперь все перепуталось...

Слезы продолжали катиться из глаз Дженни, и доктор, уходя, попросил медсестру посидеть возле нее и поговорить с ней. Но Дженни не могла разговаривать. Слишком силен был шок от того, что она узнала, слишком горько ей было от потери подруги. Ее единственной подруги. Да и у Беллы не было никого, кроме Дженни. Обе они были сиротами, и это их связывало, рождало искреннее сочувствие друг к другу.

Кто похоронит Беллу? Что будет с ее квартирой и всеми вещами, с домом, который ждал ее возвращения? Но хозяйка больше никогда не вернется в него...

В конце концов измученная Дженни снова провалилась в сон.

Когда она проснулась, возле ее кровати сидела уже другая медсестра.

– Привет! Меня зовут Джил, – сказала она с ободряющими интонациями в голосе. – Вам что-нибудь нужно, мисс Россини?

«Не Россини. Кент! Дженни Кент!»

Но нет никого на свете, кого бы волновало это, а Белла погибла.

Страх, охвативший все существо Дженни, вызвал отчаянное смятение в ее душе.

Куда она пойдет, когда ее выпишут из больницы? Социальные службы, вероятно, что-нибудь подыщут для нее, как находили ей приют в детстве и в годы ранней юности. Как же она ненавидела эти места ее пребывания! И при мысли о том, что из-за полученных травм ей, возможно, предстоит снова вернуться в систему социальной опеки, Дженни пробирал мороз по коже.

От мерзких воспоминаний у нее свело желудок. Официальные лица не поверили ей тогда, когда она рассказала им, что их замечательный, очень опытный социальный работник требует, чтобы его поднадзорные предоставляли ему сексуальные услуги за оказание помощи. Он очень давно работал в этой системе, и ему доверяли, а бездомные девочки слишком его боялись, чтобы свидетельствовать о том, что он с ними прodelывал. Дженни же заклеили как отъяв-

ленную лгунью, и она не сомневалась, что, если опять попадет к нему в лапы, мерзавец воспользуется ситуацией и станет снова домогаться ее.

Но что ей остается делать? Она ведь сможет выжить, лишь будучи зависимой от социального пособия, пока снова не встанет на ноги и не вернется на улицу продавать свои рисунки, как делала это до встречи с Беллой. Остаться же в Маленькой Италии без имени Россини она не сможет...

И вдруг отчаянная мысль мелькнула в ее голове: «А что, если мне оставить это имя? Все думают, что погибла Дженни Кент...»

Не было никого на свете, кто беспокоился бы о ней, кого волновала бы ее судьба. И если верить бюрократическим бумагам, она – Изабелла Россини. Стать Беллой... оставаться в ее квартире... работать в Маленькой Италии... понемногу накопить денег?..

А потом, окрепнув, решить, что ей делать и как снова стать собой...

Вряд ли Белла осудила бы ее за это.

Глава 2

Рим, Италия

Шесть месяцев спустя

Данте Россини, высвободившись из жарких объятий Эньи, потянулся к зазвонившему мобильному телефону.

– Не отвечай! – воскликнула Энья. – Ты же можешь позже узнать, кто звонил, и перезвонить.

– Это мой дед, – произнес Данте, игнорируя ее слова.

– Прекрасно! Стоит ему позвонить, как ты тут же вскакиваешь.

Эта вспышка вызвала у Данте досаду. Бросив на Энью раздраженный взгляд, он щелкнул крышкой телефона, точно зная, что звонить может только дед, так как никому другому он не давал этот номер. Данте специально купил еще один мобильный, когда у деда врачи обнаружили неоперабельный рак. И да, он был готов вскакивать в любую минуту, едва телефон зазвонит!

Три месяца самое большее – такой прогноз дал доктор. С тех пор прошел месяц. Срок земной жизни Марко Россини неумолимо истекал.

– Слушаю, – произнес он быстро, чувствуя, как от тревоги тугим узлом сжимается все в груди. – Что случилось, дед?

Разочарованная тем, что ее насмешливые слова не подействовали на Данте, Энья поднялась с постели и с сердитым видом прошествовала в ванную комнату.

Глядя ей вслед, Данте понял, что его связь с Эньей Майклсон подошла к концу.

Он слышал в трубке телефона хриплое, затрудненное дыхание деда.

– Это семейное дело, Данте... Семейное? Обычно, вернее всегда, речь шла только о бизнесе.

– В чем проблема? – спросил Данте.

– Я объясню тебе при встрече.

– Ты хочешь, чтобы я приехал сейчас?

– Да. Времени слишком мало, чтобы его терять.

– Я буду у тебя к ланчу, – пообещал Данте.

– Хорошо, мой мальчик!

«Мальчик!...» Данте улыбнулся, закрывая мобильный телефон. Ему тридцать лет. Он успешно управляет огромной международной корпорацией, но раз за разом с удовольствием принимает вызовы от деда, который бросает их ему с тех пор, как Данте был подростком. Только Марко Россини мог называть его по-прежнему *мальчиком*, и Данте позволял это, поскольку очень любил деда. Ему исполнилось всего шесть лет, когда родители разбились на быстроходном катере, и с тех пор он стал мальчиком своего деда.

– А как насчет меня? – требовательно спросила Энья, когда Данте поднялся с постели.

Она приняла вызывающе соблазнительную позу, стоя в дверях ванной комнаты и демонстрируя великолепные изгибы обнаженного тела. Длинные светлые волосы в беспорядке рассыпаны по плечам. Пухлые губы обиженно надуты...

Однако желания, мгновенно вспыхивавшего в нем раньше, не возникло. Единственным чувством, охватившим сейчас Данте, было нетерпение.

– Извини, мне нужно уехать.

– Ты обещал, что сегодня мы поедем по магазинам!

– Магазины – не столь важное дело.

Энья закрывала ему проход в ванную, и Данте пришлось взять ее за талию, чтобы отодвинуть в сторону. Она немедленно обвила его шею руками и тесно прижалась к нему всем телом, но в зеленых глазах полыхала злость.

– А для меня – важное, Данте. Ты ведь обещал...

– В другой раз, Энья. Я должен лететь на Капри. Позволь мне пройти.

Его голос был более чем прохладен. Глаза тоже холодны. Взбешенная, но все-таки вынужденная подчиниться, Энья уступила дорогу, и Данте, даже не взглянув на нее, прошел в душевую кабинку.

– Я ненавижу твою манеру себя вести! – завизжала она. – Ненавижу!

– Тогда найди себе другого мужчину, – небрежно произнес Данте и включил воду, заглушая все посторонние звуки.

Ему вовсе не хотелось быть объектом ее нападков. Данте действительно не взволновало бы, найди Энья себе другого. Пусть этот другой покупает теперь ей одежду и драгоценности в обмен на удовольствие наслаждаться ее телом. А красивые женщины, готовые разделить с ним постель, всегда найдутся.

Когда он вышел из ванной комнаты, Эньи уже не было. Данте сразу же забыл о ней и занялся делами – позвонил пилоту вертолета, чтобы тот был готов к вылету на Капри, оделся и позавтракал. Его голова была занята семейными проблемами – он размышлял о том, чем так обеспокоен его дед.

Дядя Роберто в настоящее время находился в Лондоне, где контролировал ремонт отеля, весьма творчески подойдя к этому делу. Будучи геем, он всегда был очень деликатным во всем, что касалось его личной жизни, и Марко довольно терпимо относился к гомосексуальности своего сына с условием, что тот не будет открыто демонстрировать ее. Может, случилось что-то, нарушившее это условие? Что-нибудь неприемлемое?

Тетя София год назад бросила своего третьего мужа, вытянувшего из нее немалые деньги, практически несколько миллионов долларов. Марко доводило до зубовного скрежета такое полное отсутствие здравого смысла у его своенравной дочери, которая поочередно выходила замуж за американского евангелиста, за парижского плейбоя и аргентинского игрока в поло. Каждый из них обладал очевидной сексуальной привлекательностью, достаточной для того, чтобы добиться расположения женщины и найти себе состоятельную жену. Может, и сейчас София попала в очередные неподходящие сети?

Или, может быть, дело связано с его кузиной Люсией, двадцатичетырехлетней дочерью тети Софии от парижского плейбоя? Хитрой маленькой распутницей, которая никогда не нравилась Данте. Даже ребенком она имела привычку шпионить за людьми и потом шантажировать их, если видела возможность получить какую-либо выгоду. При этом с дедом она была всегда приторно слащавой и льстивой. Поэтому Данте не мог представить себе, чтобы хитрая Люсия создала проблему для деда теперь, когда наследство уже было практически в ее жадных ручках.

Сам Марко был женат только однажды. Его жена умерла еще до того, как родился Данте, и с тех пор Марко обходился любовницами, с которыми хорошо обращался и щедро расплачивался в конце связи. Поэтому с этой стороны проблем не должно было возникнуть.

Размышлять о возможных причинах тревоги деда было бессмысленно, но Данте предпочитал быть морально подготовленным. Он не знал, что и думать. Впрочем, для него оказалось неожиданным и то, что его дед захотел провести последние месяцы жизни на своей вилле на Капри.

Конечно, воздух в Венеции был не таким свежим, вид – не таким первозданным, а солнечные лучи – не такими доступными и ласковыми, как на острове, а это важно для больного человека. Но все-таки его дед родился в Венеции, и Данте ожидал, что он захочет там же закончить свои дни.

Данте продолжал думать о выборе деда, когда вертолет взял курс на Капри. Его взгляд скользил по высоким серым скалам, покрытым кустарником, по каменистым утесам, словно стрелами пронзающим море изумительного бирюзового цвета. Вилла на Капри всегда была местом отдыха для семьи. Ею в основном пользовались тетя София и дядя Роберто. Данте иногда проводил здесь школьные каникулы. Дед же лишь изредка наезжал сюда и никогда не оставался надолго.

Вертолет приземлился на специальной площадке за виллой. Уже наступил полдень, и Данте было очень жарко, пока он шел по каменным плитам площадки, окруженной соснами и разросшимися кустами ярких бугенвиллей. Он совсем не обрадовался, увидев Люсию, вышедшую ему навстречу из беседки.

Она была похожа на своего отца. Больше француженка, чем итальянка, с модно подстриженными темно-каштановыми волосами. У нее были тонкие черты лица, прямой изящный нос, чувственный рот с пухлыми губами и блестящие темные глаза, всегда пристально наблюдающие за окружающими. Одета она была в кокетливое платьице, которое пристало скорее маленьким девочкам, явно от французского модельера, с геометрическими узорами в коричневых, белых и черных тонах. Короткая юбка открывала длинные стройные ноги.

– Дедушка ожидает тебя во внутреннем дворике, – сказала она и развернулась, чтобы сопровождать его, когда Данте поравнялся с ней.

– Спасибо. Но эскортировать меня нет необходимости, Люсия.

Она прижалась к его боку:

– Я хочу знать, что происходит.

– Дед звал меня, а не тебя.

Люсия послала ему негодующий взгляд:

– Я такой же член семьи, как и ты, Данте!

Все ясно – она подслушала их разговор с дедом. Данте оставил ее провокационную реплику без ответа. Они вошли в дом, прошли через атриум и главную гостиную, имеющую выход во внутренний дворик.

Разочарованная молчанием Данте, Люсия попыталась высказать некоторые догадки:

– Вчера приходил какой-то человек, не назвавший своего имени. У него был с собой портфель, и он имел личную встречу с дедушкой. После его ухода дедушка стал выглядеть еще хуже. Я беспокоюсь о нем.

– Уверен, ты делаешь все возможное, чтобы поддержать его, Люсия, – ответил на это Данте безо всяких эмоций.

– Если бы я знала, в чем дело...

– Не имею понятия.

– Не делай из меня дурачку, Данте! У тебя явно есть какие-то предположения. – Яд в своем голосе Люсия поспешила нейтрализовать лестью: – Я очень хочу помочь. Дедушка услышал вчера от этого человека что-то такое, что потрясло его. Он замкнулся в себе и выглядел ужасно.

– Мне огорчительно слышать это, – развел Данте руками, – но я не могу сообщить тебе того, чего не знаю сам, Люсия. Тебе придется подождать, пока дед сам не решит рассказать, что случилось.

– Ты расскажешь мне после того, как поговоришь с ним? – настойчиво спросила Люсия.

Данте пожал плечами:

– Зависит от того, насколько конфиденциальным окажется разговор.

– Я здесь единственная, кто заботится о нем, и должна знать все.

У его деда была личная медсестра и целый штат слуг, которые ухаживали за ним. Данте бросил на кузину насмешливый взгляд:

– Ты заботишься о собственных интересах, Люсия, и не надо притворяться, во всяком случае передо мной.

– Ты... ты... – Она едва сдержалась, чтобы не бросить в лицо Данте нелюбезное слово.

Данте понимал: Люсия терпеть его не может – за то, что он видит ее насквозь. Всегда ненавидела. Но открытая враждебность – не ее стиль.

– Я люблю дедушку, и он любит меня. – Голос Люсии звучал напряженно. – Запомни это хорошенько, Данте.

Ей, видимо, требовалось оставить последнее слово за собой. Во внутренний дворик они вошли вместе, но потом Люсия резко повернула направо. Скорее всего, отправилась в главную гостиную, откуда могла видеть, что происходит во внутреннем дворике, хотя и не слыша, о чем идет разговор.

Данте же пошел к деду, лишь слегка помедлив перед тем, как дать знать ему о своем присутствии. Дед отдыхал в шезлонге, обложенный подушками. Лицо закрывала тень от зонта, остальная часть измученного болезнью тела впитывала тепло солнечных лучей.

На нем была темно-синяя шелковая пижама, которая скорее подчеркивала, чем скрывала его болезненную худобу, даже отдаленно не напоминаящую о некогда крепком телосложении этого человека. Глаза деда были закрыты. Из-за ввалившихся щек скулы казались слишком острыми, а гордый римский нос – слишком большим. Но лицо Марко с выступающим подбородком все еще сохранило следы неукротимой натуры. Кожа была загорелой благодаря таким вот солнечным ваннам, из-за чего его густые, волнистые седые волосы выглядели неестественно белыми.

Рядом в кресле сидела медсестра и читала книгу. Кувшин с фруктовым соком и несколько стаканов стояли на столике достаточно близко, чтобы до них можно было дотянуться. Кадки с цветами радовали глаз разноцветьем, а голубая перспектива неба и бирюза моря делали окружающую обстановку умиротворяющей. Но Данте знал, что это умиротворение иллюзорно.

Бдительная медсестра поднялась, услышав шаги Данте. Дед, разомкнув веки, жестом отпустил ее и предложил Данте сесть в освободившееся кресло. Марко не проронил ни слова, пока медсестра не скрылась из вида, а внук не подсел поближе к нему. В приветствиях не было необходимости, тем более не нужны были бессмысленные вопросы о здоровье. Поэтому Данте молча ждал, пока дед скажет, ради чего вызвал его сюда.

– Я кое-что скрывал от тебя, Данте, – наконец, услышал он. – Личное. Мучительное для меня. – Печальное выражение лица Марко говорило о том, как невыносимо трудно дается ему предстоящее признание. – Однако пришло время рассказать тебе обо всем.

– Только если ты этого хочешь, – тихо произнес Данте, стараясь не показать своего отчаяния.

Обычно яркие, живые глаза деда затуманились.

– Твоя бабушка была единственной женщиной, которую я по-настоящему любил. Моя прекрасная Изабелла... Она умерла на этой вилле. – Голос Марко прервался от волнения. Данте не торопил деда, чувствуя некоторое смущение при несвойственном тому проявлении таких сильных эмоций.

Из газет Данте знал, что его бабушка Изабелла умерла от передозировки снотворного. Это случилось еще до его рождения. Когда же он, повзрослев, попытался подробнее расспросить деда, тот крайне резко запретил ему впредь касаться этой темы.

Теперь Данте стало понятно, почему дед выбрал эту виллу, чтобы закончить здесь свой земной путь.

Глубокий вздох, и снова выражение муки на лице.

– У нас был еще и третий сын...

«Пропавшее сумасбродное дитя» Россини – это была еще одна газетная сенсация тех лет, полная отвратительных измышлений о строптивой «черной овце», третьем сыне Марко, который не пожелал стать тем, кем хотел видеть его отец, и покинул семью. Эти измышления семья Россини никогда не комментировала, храня свои скелеты в крепко запертом шкафу. Любопытство юного Данте по поводу дяди так никогда и не было удовлетворено.

– Я вычеркнул Антонио из нашей жизни. Никто в семье больше не упоминал его имени. Потому что это из-за него умерла моя Изабелла. Он убил свою мать, непреднамеренно, конечно, дав ей попробовать какой-то новый наркотик, что привело к смерти. Антонио был виноват, и я не смог простить его.

Данте был потрясен. Ему понадобилось некоторое время, чтобы осознать важность того, что рассказал дед о трагическом прошлом семьи. Почему Марко вдруг заговорил об изгнанном сыне?

– Он был самым младшим из наших четверых детей. Твой отец Алессандро... – Дед тяжело вздохнул, покачав головой, и стало понятно, что он до сих пор горюет от потери своего старшего сына. – Он был моим во всех отношениях. Как и ты, Данте.

Да, это так, подумал Данте. Они были очень похожи. Отец да и он сам унаследовали от деда густые, волнистые волосы, глубоко посаженные глаза цвета горького шоколада, гордый римский нос и квадратный подбородок.

– Роберто... Он был мягче, нежнее, – продолжал Марко голосом, полным печали от воспоминаний. – Сразу было ясно, что он не боец, как Алессандро. Зато Роберто был наделен художественным талантом... София, наша девочка... Мы баловали ее, многое ей разрешали, потворствовали каждому ее капризу. Я не имею права винить дочь за нынешнее поведение, потому что расплачиваюсь за собственные ошибки в ее воспитании. А потом родился Антонио... – Глаза Марко закрылись, будто память о младшем сыне терялась где-то во тьме, и он пытается увидеть Антонио, говоря о нем. – Он был очень живым ребенком. Озорным, веселым... Он заставлял нас смеяться. Изабелла обожала его. Из наших четверых детей Антонио больше всех походил на нее. Он был... ее радостью.

Данте видел, каких усилий стоит деду разговор о младшем сыне, слышал боль в каждом его слове и чувствовал, что неизвестный ему Антонио был радостью и для Марко тоже.

– Учиться в школе ему было слишком легко, а потому неинтересно. Ему требовалось что-то... более будоражащее кровь, он жаждал приключений, вызова. Отсюда какое-то нервное возбуждение, вечеринки... Потом наркотики... Я не знал о наркотиках, но Изабелла знала и скрывала это от меня. Когда она умерла, Антонио признался, что мать пыталась его остановить, а он уговаривал ее попробовать наркотики самой, чтобы ощутить, как восхитительно чувствуешь себя при этом. Сын убеждал Изабеллу, что это совершенно безобидно. – Дед открыл глаза и с горькой усмешкой повторил: – Безобидно...

– Как трагично, – прошептал Данте, представляя себе ужас, который охватил Марко, когда тот узнал, от чего умерла его жена, и то двойное страдание, которое выпало на его долю.

– Должен был умереть Антонио, а не моя Изабелла! И я убил сына в своем сердце, изгнав из дома...

Данте сочувственно кивнул. Хотя трагедия, казалось бы, никак не коснулась его жизни, тот факт, что в семье, оказывается, существовала тщательно охраняемая тайна, потряс Данте. Несомненно, властность Марко, его могущество и деньги сыграли свою роль и не позволили ни одним словом намекнуть на связь «мать – сын – наркотики» ни в частных разговорах, ни тем более в прессе.

В горле деда заклокотал звук, напоминающий невеселый смех.

– Я думал, что смогу примириться с этим. Любому человеку больно, когда его ребенок покидает мир раньше него. Когда не стало Алессандро, это было... Но у меня остался ты, сын моего сына, и ты заполнил пустоту от потери. Антонио же был для меня полностью и бесследно

потерян. А теперь, когда его не стало и я потерял его навсегда... я уже не смогу помириться с ним.

Данте нахмурился:

– Ты хочешь сказать...

– Я нанял частного сыщика, чтобы найти Антонио, узнать, какую жизнь он ведет, и, возможно, договориться о встрече с ним. Вчера владелец частного сыскаго агентства позвонил мне. Антонио и его жена погибли в авиакатастрофе два года назад. Это был небольшой частный самолет, который он сам пилотировал. Плохая погода... Ошибка пилота...

– Мне очень жаль, дед.

– Слишком поздно для примирения, – прошептал Марко. – Но у Антонио осталась дочь. Дочь, которую он назвал Изабеллой в честь матери. Я хочу, чтобы ты слетал в Австралию и привез ее сюда. – Речь его прервалась, взгляд стал сосредоточенным. – Я знаю, ты сделаешь все возможное и возвратишься с ней. Времени мало, очень мало...

– Конечно, я сделаю это для тебя, дед. Ты знаешь, где она?

– В Сиднее. – Губы Марко тронула ироничная усмешка. – Ты не согласишься, но она работает в районе Маленькая Италия, который мы построили там. Ты найдешь ее без хлопот. – Марко протянул руку и взял папку, которая лежала на столике рядом с шезлонгом. – Здесь вся информация, которая тебе понадобится. Изабелла Россини... – Имя бабушки с неизменной тоской прозвучало в голосе деда. – Привези ко мне дочь Антонио, Данте. Моя Изабелла хотела бы этого. Привези нашу внучку домой...

Глава 3

Суббота для Дженни всегда была самым любимым днем недели. В этот день повсюду в Маленькой Италии царила праздничная атмосфера уик-энда. Толпы людей стекались на утренние базары, организованные по обеим сторонам канала. Люди семьями приходили пообедать в многочисленные ресторанчики, расположенные по всему периметру главной площади. Прогуливаясь вдоль прилавков, праздные прохожие неизменно задерживались возле Дженни, чтобы посмотреть, как она рисует портреты углем. Большинство из них поддавались искушению и просили нарисовать их портрет или портреты их детей. В субботу Дженни удавалось заработать достаточно, чтобы прожить следующую неделю. А когда день был еще и солнечным... И хотя только-только наступил сентябрь, самое начало весны в Австралии, этот день был по-настоящему летним: ни облачка на ярко-голубом небе, ни зябкого ветерка. У фотографа тоже было много работы. Он делал снимки желающих на мосту Вздохов, во время прогулок на гондолах. Но он не был конкурентом Дженни. Ее портреты углем были совершенно особенными!

Дженни закончила рисовать маленького мальчика, положила в карман заработанные деньги, полученные от довольных родителей малыша, и пригласила следующего клиента. Им оказалась смешливая девочка-подросток, подталкиваемая несколькими такими же смешливыми подружками.

Возле них остановился очень привлекательный мужчина. Неужели он ждал своей очереди позировать? Дженни надеялась, что это так. У мужчины было интересное лицо, обрамленное густыми волосами, цвет которых имел несколько оттенков – от цвета жженого сахара до темно-шоколадного. Густые, волнистые, прекрасно подстриженные волосы. Как жаль, что в рисунке углем нельзя отобразить их цвет! Но черты лица тоже вызвали профессиональный интерес. Резко изогнутые дуги бровей, глубоко посаженные глаза, прямой нос и твердая линия скул создавали интригующий контраст с довольно полными, чувственными губами и едва заметной ямочкой на подбородке.

Начав рисовать портрет девочки, Дженни украдкой бросила взгляд на незнакомца. Он не ушел, решив, вероятно, задержаться и понаблюдать за ее работой. Истинный мужчина, подумала о нем Дженни. Выше среднего роста, он словно излучал силу и властность. Одежда на нем была явно дорогая – белая рубашка в тонкую желтовато-коричневую полоску, хорошо скроенные бежевые брюки. Кожаные, ручной работы туфли тоже были бежевыми. Коричневый замшевый пиджак небрежно переброшен через плечо. Дженни определила примерный возраст незнакомца – где-то около тридцати. Достаточно, чтобы добиться кое-чего в жизни и обрести уверенность в своих силах.

Птица явно высокого полета, решила Дженни. Должно быть, договорился пообедать с кем-то и теперь просто ждет назначенного времени. Она ждала, что вот-вот появится прекрасная незнакомка и уведет мужчину. Жаль, конечно, но богачи такого типа никогда не снисходили до позирования уличной художнице.

Спустя еще какое-то время до Дженни дошло, что незнакомец не столько наблюдает за ее работой, сколько изучает ее саму. Странно было чувствовать себя объектом пристального внимания, тем более такого мужчины. Она перехватила его взгляд, когда тот оценивающе скользил по гриве ее темных вьющихся волос и лицу, которое сама Дженни искренне считала вполне заурядным. Затем взгляд незнакомца переместился ниже, на ее свободную черную тунику и слаксы, пока не опустился на разношенные, но очень удобные туфли, которые выручали ее после перелома лодыжки.

Да уж, не эталон стиля, самокритично оценила себя Дженни и рассердилась на незнакомца за то, что тот заставил ее почувствовать себя крайне неуверенно. Она постаралась выкинуть из головы все мысли о нем и сосредоточиться на рисовании.

Не удалось. Она все время ощущала его присутствие, косясь взглядом в его сторону. И то, что она видела, не приносило ей успокоения. Незнакомец целенаправленно приближался к ней, а как только девочки получили портрет подруги и расплатились с Дженни, он занял освободившееся место.

Дженни показалось, что ее нервы стали напоминать оголенные провода, что было просто нелепо. Ведь первым ее порывом при виде этого человека было желание отобразить в рисунке столь незаурядную внешность. Что ж, он предоставил ей такую возможность. Почему же у нее дрожали руки, когда она доставала новый уголок для рисования и укладывала на мольберт чистый лист бумаги? Чтобы посмотреть в лицо незнакомцу, ей потребовалась вся ее выдержка. Когда же она решилась это сделать, то увидела, что он улыбается, и сердце ее затрепетало. Улыбка сделала лицо мужчины еще более красивым.

– Вы работаете здесь каждый день? – спросил он.

Дженни покачала головой:

– Со среды по воскресенье.

– По понедельникам и вторникам мало народу?

– Да.

Мужчина склонил голову набок, с любопытством разглядывая ее.

– И вам нравится такой ненадежный способ зарабатывания денег? Такое существование, зависящее от удачи?

В Дженни все немедленно восстало против столь откровенного пренебрежительного отношения к ее труду. Его вопрос отдавал надменным превосходством – понятно же, что этот человек вел совсем другой образ жизни.

– Да, вполне. Хотя бы тем, что я ни перед кем не отчитываюсь, – резко ответила она.

– Значит, вы цените свою независимость...

Дженни нахмурилась:

– Не могли бы вы не шевелиться и помолчать, пока я рисую?

Но незнакомец и не подумал подчиниться. Похоже, он вообще никогда и никому не подчинялся.

– Мне не нужен натюрморт, – пошутил он с улыбкой, от которой у Дженни снова перехватило дыхание. – Нарисуйте, как вы видите меня, пока мы разговариваем.

О чем он хочет разговаривать?

– Вы всегда хотели быть художницей?

– Это единственное, что мне довольно хорошо удается, – ответила Дженни, еще более напрягаясь.

– Вы рисуете только портреты или еще что-нибудь, например пейзажи?

– Иногда.

– И их покупают?

– Некоторые.

– Где бы я мог приобрести один?

– На набережной, по понедельникам и вторникам. – Дженни бросила ироничный взгляд на своего «натурщика». – Я рисую в основном достопримечательности Сиднея – гавань, мост, Оперный театр. Вряд ли вам захочется купить что-либо из этого.

– Почему вы так говорите?

– Я думаю, именитые художники больше в вашем вкусе.

Незнакомец сделал вид, что не уловил насмешки в ее голосе, и приветливо заметил:

– Однажды и вы можете стать знаменитой.

– А вы хотите стать тем, кто откроет меня миру? – Дженни снова не удержалась от иронии, все более удивляясь этому странному разговору.

– Я здесь как раз для того, чтобы сделать несколько открытий, как вы выразились.

Это более чем странное замечание заставило Дженни спросить:

– А вы откуда?

– Из Италии.

– Если вы хотели ощутить себя в Венеции, вам было бы проще съездить прямо туда.

– Я прекрасно знаю Венецию. Моя миссия здесь носит личный характер.

– Хотите найти себя? Открыть, так сказать? – шутиливо поинтересовалась Дженни.

Взгляд мужчины стал серьезным и сосредоточенным.

– Я приехал за тобой, Изабелла.

При звуке имени подруги, произнесенном уверенно и одновременно ласково, Дженни испытала настоящий шок. Откуда он узнал? Она подписывает свои работы «Белла», а не «Изабелла». И вообще, эта встреча... странный разговор... она ведь сразу поняла, что этот человек – не из ее клиентов. Он как-то слишком пристально изучал ее. В мозгу Дженни включился сигнал тревоги. Неужели он здесь, чтобы разоблачить ее, как мошенницу?

Нет, не похоже. Незнакомец считает, что она Белла. Значит, он не знал ее подругу.

– Прости, что я не был откровенен с тобой с самого начала. Некоторые наши семейные проблемы сделали нашу встречу несколько... напряженной. Меня зовут Данте Россини. Я твой двоюродный брат и приехал сюда, чтобы пригласить тебя в Италию для встречи со всеми твоими родственниками.

Дженни была потрясена. Белла говорила ей, что у нее нет семьи. Ни о каких родственниках в Италии речи никогда не возникало. Может, она просто не знала об их существовании и искренне считала себя сиротой после гибели родителей в авиакатастрофе? С другой стороны, говорит ли правду этот незнакомец? А если даже и так, что бы ответила ему Белла? Никто никогда не проявлял к ней родственного интереса, тогда почему вдруг?

Выброс адреналина, вызванный страхом, заставил Дженни вскочить. Страх же заставил ее воскликнуть:

– Убирайтесь!

Итальянец немедленно преобразился – от расслабленной самоуверенности не осталось и следа.

Дженни схватила недописанный портрет, смяла его и метким броском отправила в урну для мусора.

– Не знаю, чего вы хотите, но я в этом не участвую. Уходите! – повторила она, яростно сверля Данте глазами.

Он поднялся со стула, и Дженни испугалась еще сильнее – теперь перед ней стоял грозный противник.

– Я не могу этого сделать, – неожиданно спокойно произнес Данте.

– Сможете. А если вы не уйдете, я пожалуйюсь управляющему на домогательства с вашей стороны.

Он покачал головой:

– Он не пойдет против меня, Изабелла.

– Пойдет. Здесь очень серьезно относятся к вопросам безопасности.

Данте нахмурился:

– Я думал, ты знаешь, что все Маленькие Италии, построенные в разных городах мира, принадлежат семье Россини, и поэтому решила купить квартиру здесь, чтобы, даже живя в Сиднее, чувствовать связь с семьей.

Дженни запаниковала. Знала ли Белла об этом? Она никогда ни о чем подобном не упоминала. Что этот человек сказал о Маленькой Италии? Выходит, существует целая сеть таких районов по всему миру? Если так, то эта семья Россини очень богата, следовательно, никто и никогда не примет ее сторону в противостоянии с этим человеком.

– Я разговаривал с управляющим о тебе, – продолжал странный итальянец. – Если нужно, он удостоверит мою личность, и ты убедишься, что я именно тот, за кого себя выдаю. Я с удовольствием провожу тебя в административный корпус...

– Нет. Никуда не нужно меня сопровождать! – В панике Дженни едва не кричала.

Ее повышенный голос привлек внимание прохожих и фотографа Луиджи. Он немедленно подошел к Дженни и спросил:

– Все в порядке, Белла?

Она не могла просить Луиджи о помощи и тем самым втягивать его в неприятности, которые не замедлят случиться, раз у этого человека такие связи. Луиджи полностью зависит от своей работы здесь, и она не должна его подставлять. Двое мужчин сверлили друг друга взглядами – они оба были итальянцами, а значит, ни один из них не собирался уступать.

– Все нормально, Луиджи. Небольшая семейная сцена, – поспешно ответила Дженни.

Луиджи должен был поверить ей. Здесь, в Маленькой Италии, она узнала, как шумно проходят споры и ссоры в итальянских семьях.

– Тогда потише, – посоветовал тот. – Распугаешь всех клиентов.

– Прошу прощения, – пробормотала Дженни.

Луиджи отошел, махнув рукой в сторону Данте:

– Пусть пригласит тебя на ланч. Судя по виду, твой друг от этого не обеднеет. Немного вина...

– Отличная идея, – немедленно согласился ее мучитель. – Я помогу тебе собрать вещи, Изабелла.

Данте поднял упавший складной стул, на котором недавно сидел, позируя Дженни, и сложил его прежде, чем она успела сказать хоть слово. Ее деморализовала его самоуверенность. Она поняла, что не в силах справиться с ситуацией. Он не был ее семьей, и то, что поначалу выглядело невинным обманом, на который они решились с подругой, уверенные, что это поможет Дженни встать на ноги и никому не принесет вреда, вдруг превратилось в путаницу, влекущую за собой самые неожиданные последствия. И Дженни не знала, что ей теперь делать.

– Почему вы объявились сейчас? Почему? – требовательно спросила она.

– Обстоятельства изменились. – Данте улыбнулся.

Что это была за улыбка... Наверняка у всех женщин, которым она адресовалась, слабели колени, и Дженни, увы, не стала исключением. Данте Россини был дьявольски сексуален и очень привлекателен.

– Позволь, я все объясню тебе за ланчем.

Его глаза цвета горького шоколада излучали тепло, способное растопить любую преграду; голос напоминал урчание сытого хищника.

Дженни почувствовала, как по ее спине пробежал холодок. Стук сердца отдавался в ушах, а мозг отчаянно посылал сигналы тревоги. Она не должна поддаваться обаянию этого мужчины! Если каким-то чудом Дженни не выпутается из этой ситуации, ей грозят большие неприятности.

– Вы появились слишком поздно, – выпалила она наудачу, хотя в какой-то степени это было правдой. Ведь Белла погибла. Но об этом Дженни не могла сказать Данте. – Вы не нужны мне, в моей жизни вам нет места. – Она надеялась уверить его в провале миссии в надежде, что он побыстрее уберется отсюда.

– Тогда почему ты обосновалась в Маленькой Италии? – Взгляд Данте выражал недоверие к ее истерическим заявлениям.

– Думайте, что хотите, – резко ответила она мужчине, считавшему себя ее двоюродным братом. – Я ухожу!

– Но я не уйду, Изабелла, – предупредил Данте.

Нервы Дженни были натянуты до предела. Богатство и власть, которыми обладал этот человек, делали его самоуверенным и непоколебимым. Получив любой отказ или отпор, такие люди становятся лишь настойчивее и упорнее в достижении своей цели.

Самое главное для Дженни сейчас было как-то отделаться от Данте, забежать на квартиру, собрать самое необходимое, сесть на автобус, поезд, самолет... на что угодно, лишь бы уехать подальше отсюда! Он не станет искать Дженни Кент. Она ему не интересна.

Чемоданчик с принадлежностями для рисования был собран, табуретка, на которой Дженни обычно сидела, рисуя, сложена... Она набралась мужества и посмотрела в лицо Данте Россини.

– Не теряйте зря времени, – ровным голосом произнесла она. – Изабелле Россини не было места в вашей семье все эти годы, и теперь ничего не изменится только потому, что по какой-то причине вы захотели изменить ситуацию! Отдайте стул и позвольте мне уйти. – Дженни протянула руку.

Данте покачал головой, ничего не ответив.

Дженни запаниковала окончательно – у нее больше не было аргументов, чтобы отделаться от итальянца.

– Тогда оставьте стул себе! – крикнула она и повернулась, чтобы уйти.

«Стул... Черт с ним!»

Похоже, ей придется оставить в прошлом не только этот стул.

Исчезнуть из поля зрения Данте, уехать быстро и далеко она сможет только налегке. Главное – не оставить никаких следов.

Глава 4

Данте всегда выполнял поручения своего деда, и о том, чтобы спастись на этот раз, просто не могло быть и речи. Он должен доставить Изабеллу Россини на Капри.

Данте незаметно последовал за ней, когда Белла развернулась и торопливо направилась прочь. Ему требовалось время, чтобы проанализировать реакцию девушки и придумать, как переломить ее откровенно враждебное отношение. Почему-то Данте ожидал, что встреча окажется совсем другой – ведь решила же она после гибели родителей поселиться и работать в Маленькой Италии! Этот факт позволил ему предположить, что Белла ищет контакта с семьей. А теперь вот предстоит справиться с чем-то совсем непонятным...

Оскорбленной гордостью? Яростным стремлением к независимости, произросшим из того, что долгое время Белле приходилось одной преодолевать жизненные невзгоды?

Но тогда почему Данте увидел страх в ее глазах? Чего она боится? Перемен? Неизвестности?

А у нее красивые глаза. Даже без макияжа. Очень выразительные, потрясающего янтарного цвета, опущенные густыми темными ресницами. И рот ему понравился. Немного великоват для ее небольшого личика с острыми скулами, но очень чувственный. Роскошные волосы представляли собой неухоженную копну, но если отвести Беллу к хорошему стилисту, а потом отдать в руки косметолога, одеть как следует...

Под бесформенным черным одеянием угадывалась стройная фигурка. Люсия сойдет с ума от ревности, обретя такую сестричку, и взбесится, когда поймет, что на дедушкино наследство появилась еще одна претендентка.

Деньги...

Может, использовать их в качестве аргумента?

Видимо, родители Изабеллы оставили ей достаточно, чтобы она смогла купить квартиру, но это и все. Если Белла согласится поехать на Капри, ей не потребуется больше работать ни дня. Она сможет жить, как Люсия, в праздности и роскоши. Ни одна женщина в мире не откажется от такой возможности. Он должен немедленно выложить этот аргумент перед Изабеллой, и наживка обязательно сработает.

С возродившейся надеждой на успех Данте ускорил шаг. Изабелла стремительно шла по проходу к подъемнику, ведущему к жилым домам. Данте посмотрел по сторонам и улыбнулся фантазии архитектора, не побоявшегося разукрасить дома в розовый, лимонный, красный, голубой, пурпурный цвета. Дом, в котором жила Изабелла, оказался пурпурным, а квартиры находилась на пятом этаже. Балкон квартиры украшали трогательные розовые горшки с геранью.

«Вы не нужны мне...»

Данте почувствовал, как сжалось его сердце. Может, она все-таки согласится поехать на Капри и провести с дедом те немногие дни, которые остались старику? Вознаграждение, которое Данте авансом сам заплатит ей за это, будет поистине королевским. Ему не важно, сколько потребуется отдать за то, чтобы дед перед смертью обрел покой и примирился с прошлым.

Изабелла нажала кнопку подъемника. Все в ее действиях выдавало тревогу и поспешность. Когда она едва ли не бегом пересекала площадь, то ни разу не оглянулась, чтобы узнать, как решил поступить Данте. И была обескуражена, когда поняла, что он стоит у нее за спиной и ждет, когда откроется дверь подъемника. Ей ничего не оставалось, как сделать вид, будто она его не замечает.

Данте же не привык, чтобы его игнорировали. Он убеждал себя, что очень скоро все изменится, стоит ему рассказать о богатстве, но все же трудно было не выдать своего раздражения.

– Извини, что расстроил тебя, Изабелла. У меня не было такого намерения, – спокойным голосом произнес он.

Ответа не последовало, и на скулах Данте перекатились желваки. Ее упрямство начало злить его всерьез. Что ж, она бросила ему вызов, и он принял его.

– Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты выслушала мое предложение, кстати, очень выгодное для тебя.

Изабелла осталась совершенно безразличной к его словам, и это раззадорило Данте еще сильнее. Упорство – отличная тактика заставить предложить больше, это известный прием.

Двери подъемника раскрылись, и Изабелла повернула голову к Данте. Взгляд ее был предостерегающим, но она не произнесла ни слова. Решительно шагнув в кабину, она нажала кнопку.

Данте вошел в кабину подъемника вслед за ней.

Было видно, что девушка буквально кипит от негодования.

– Я же сказала вам...

– Я ведь несу твой стул, – спокойно ответил Данте. – У тебя и без того слишком много вещей.

Изабелла выразительно закатила глаза. Двери закрылись, и она, намеренно игнорируя его, стала неотрывно следить за сменой цифр на указателе. Данте видел, что она очень напряжена и что его присутствие нервирует ее.

Жаль, что она его кузина! Фантазия Данте нарисовала яркую картинку – девушку, распростертую на его постели и умоляющую делать с ней все, что он хочет. Заманчиво было бы увидеть это скованное напряжением тело расслабленным, дрожащим от наслаждения, подчиненным страсти...

Фантазии на тему секса с Изабеллой навели Данте на мысль, что у нее кто-то есть здесь и этот кто-то – еще одно препятствие для поездки на Капри.

– Луиджи – твой любовник?

Вопрос заставил Изабеллу оторваться от созерцания электронного табло.

– Нет. – На ее лице отразилось беспокойство. – Он просто мой коллега. И не нужно разнюхивать в поисках какого-либо другого любовника – его попросту нет.

– Отлично! Значит, никто не может воспрепятствовать твоей поездке со мной в Италию?

– Как вы не можете понять, что я никуда с вами не поеду! – в раздражении воскликнула Дженни.

– Почему нет? Тебя ведь ничего не удерживает здесь. Почему бы тебе не удовлетворить собственное любопытство по поводу семьи, с которой ты никогда не встречалась?

У девушки был вид жертвы, загнанной в тупик. Почему его предложение так пугает ее?

– Мой дед... твой дедушка... хочет видеть тебя, Изабелла. – Данте решил, наконец, разыграть козырную карту. – Марко очень богатый человек. Если ты исполнишь его желание, он осыплет тебя деньгами, откроет доступ к таким возможностям, которые тебе и не снились. Твое будущее...

– Мне не нужны эти деньги!

На лице девушки отразился неподдельный ужас, и даже тело содрогнулось. От открывшейся перспективы разбогатеть?..

Данте был обескуражен такой реакцией и растерялся, не зная, какой тактики убеждения ему теперь придерживаться. Эта девушка непостижима – с таким упорством отказываться от возможности стать богатой и обеспечить свое будущее.

Подъемник остановился. Изабелла опрометью выскочила из кабины, стоило дверям начать открываться, и бросилась к своей квартире с такой скоростью, будто за ней гналась свора гончих псов. Данте поспешил вслед за ней, твердо решив разгадать загадку новоявленной родственницы.

Она вставила ключ в замок и, еще не повернув его, уже начала толкать дверь. Данте понимал, что, зазевавшись он хоть на мгновение, Изабелла захлопнет дверь перед ним, поэтому буквально ввалился вслед за ней в квартиру, больше не задумываясь, как она отнесется к его действиям. Терпение его иссякло.

– Это настоящее вторжение! – крикнула Изабелла. Ее грудь высоко вздымалась от возмущения.

Кстати, великолепная грудь, не мог не отметить Данте.

Дженни бросила на пол чемоданчик с принадлежностями для рисования, мольберт и свой табурет, который несла под мышкой. Быстро выхватив из рук Данте складной стульчик, она положила его рядом с остальными вещами. Уперев руки в бока, пылающим взглядом она уставилась ему в лицо.

– А теперь убирайтесь! – крикнула Дженни.

– Я не уйду, пока не сделаю того, для чего сюда приехал.

Данте захлопнул дверь и привалился к ней спиной, лишив Изабеллу возможности открыть ее и выскочить из квартиры. Интересно, накинется ли она на него с кулаками и попытается оттащить от двери?

Глаза девушки оценивающе разглядывали противника. Должно быть, она почувствовала, что Данте предвкушает удовольствие от возможного поединка, стоит ей не сдержаться и броситься в атаку. Он видел, чего ей стоило отступить, но она сделала это, лишь упрямо вздернула подбородок.

– Если вы не уберетесь сию же минуту, я вызову полицию.

– Пожалуйста, – ответил Данте, не проявив ни малейшего признака тревоги, очевидно уверенный в том, что сможет без проблем оправдать свое присутствие в ее квартире.

Было видно, что девушка колеблется.

– Пока мы будем ждать приезда полиции, окажи мне любезность выслушать, почему твой дедушка, Изабелла, хочет встретиться с тобой.

Она вздрогнула при упоминании Марко, как будто ей причинили внезапную боль. Данте многое мог бы отдать, чтобы узнать, что происходит в ее голове, – он очень не любил действовать вслепую, но был уверен, что выслушать его для Изабеллы предпочтительнее, чем объясняться с полицией.

– Пообещайте, что уйдете сразу, когда закончите говорить, – потребовала Дженни.

Данте поднял руку клятвенным жестом:

– Слово чести.

На самом деле он собирался говорить до тех пор, пока она не согласится поехать с ним на Капри.

Глубоко вздохнув, Дженни направилась в гостиную и уселась в кресло. Сложив руки на коленях, она выжидающе посмотрела на него. Данте присел на подлокотник дивана таким образом, чтобы на всякий случай отрезать ей путь к входной двери.

– Что рассказывал тебе твой отец о причинах разрыва с семьей? – задал вопрос Данте, которому было интересно, как Антонио трактовал события, о которых ему недавно рассказал Марко.

Дженни покачала головой:

– Говорите вы, я буду слушать.

И Данте начал рассказывать историю так, как услышал ее от деда. О том, что привело к изгнанию Антонио, об остальных членах семьи, о гибели собственных родителей, о горе Марко, потерявшего любимую жену и обоих сыновей, о его тяжелой болезни и о том, что ему оставалось жить, по прогнозам врачей, не больше трех месяцев, один из которых уже прошел. О том, что Марко искал Антонио и эти поиски привели к Изабелле, которую он очень бы хотел увидеть.

Данте хотел добиться сочувствия от Изабеллы и обрадовался, увидев слезы в глазах девушки. Убеденный, что она готова к сотрудничеству, он закончил свое повествование:

– Он умирает, Изабелла. Ему осталось совсем немного. И если ты сможешь найти в своем сердце хоть чуточку сострадания...

– Я не могу! – вдруг закричала девушка и, уткнувшись в ладони, разрыдалась. – Простите, мне очень, очень жаль...

– Я все организую, тебе ни о чем не придется беспокоиться, – продолжал настаивать Данте.

– Нет... вы не понимаете...

– Не понимаю. Объясни мне, в чем дело.

Дженни отняла руки от заплаканного лица, сделала глубокий вдох и посмотрела ему прямо в глаза:

– Слишком поздно. Белла погибла в автомобильной катастрофе полгода назад! – выкрикнула Дженни. Потом заговорила спокойнее: – Я думала, у нее не осталось родных. Я думала, что никому не причиню вреда, воспользовавшись ее именем. Мне так жаль...

Данте был потрясен.

Оказалось, его миссия невыполнима! Еще одна смерть...

Он закрыл глаза, чтобы не видеть самозванку, и подумал о деде, который ждет Изабеллу и надеется, что внучка не только именем, но и внешностью напоминает его незабвенную жену. Все в Данте восстало против необходимости нанести старику последний сокрушительный удар.

А потом в нем вспыхнула ярость. Почему нанятый детектив не обнаружил обмана? Как этой девчонке удалось всех провести? Теперь ему понятна ее реакция на его появление – она испугалась разоблачения!

Данте открыл глаза. Теперь в них была неприкрытая враждебность.

– Объясни мне, как ты могла воспользоваться именем Изабеллы, что никто ничего не заподозрил? – потребовал он ответа, резко поднимаясь и подходя к креслу, в котором понуро сидела самозванка.

На этот раз она не стала воевать с ним и рассказала, как познакомилась с его двоюродной сестрой, как та пригласила Дженни пожить в ее квартире и разрешила воспользоваться своим именем, чтобы та могла получить работу в Маленькой Италии. Рассказала об автомобильной аварии, в которой подруга погибла, а ее тело обгорело до неузнаваемости. Об ошибке врачей, назвавших Дженни именем подруги после того, как она пришла в себя после комы, потому что в момент аварии, когда ее выбросило из машины, в руках Дженни была сумочка Беллы...

– Я помню, что расстегнула ремень безопасности, чтобы достать с заднего сиденья эту сумочку, в которой лежали конфеты, иначе мне было не дотянуться до нее.

– В ее сумке должны были быть ее права, – сухо заметил Данте. – А на них фотография...

– Фотография была ужасная. У нас обеих длинные вьющиеся волосы, правда, у Беллы они немного темнее. На фото она улыбалась, поэтому понять, что у меня рот несколько больше, было невозможно. Белла, когда фотографировалась, немного прищурилась, и различить нас по форме глаз никто не смог бы. После аварии у меня все лицо было в порезах и ушибах, так что и по форме лица отличить нас было практически невозможно. Но даже если бы у полиции возникли сомнения, и они запросили бы администрацию Маленькой Италии, там бы подтвердили, что я Изабелла Россини, поскольку работала под ее именем...

– Как удобно! – с едким сарказмом заметил Данте.

Самозванка вспыхнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.